

ПОВЕСТЬ Б. ПИЛЬНЯКА "КРАСНОЕ ДЕРЕВО" В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ КРИТИКИ

Постановка проблемы. Русская культура претерпела в послереволюционные годы значительные изменения. В течение многих веков её отличительными чертами являлись духовность и свободолюбие, что отвечало национальному характеру русского народа. Но в начале XX века, сбросив "многовековое иго" самодержавия, страна оказалась в тисках новой ещё более страшной тирании, олицетворяемой властью большевиков, стремительно эволюционировавших к тоталитарной модели общественного устройства. Поставив своей задачей повлиять на все сферы человеческой жизни, большевизм не мог обойти стороной культурную жизнь страны как основной рычаг влияния на духовно-нравственную сферу и общественное мнение. При этом первыми жертвами такого вмешательства стали именно свобода и духовность русской культуры, а значит, и самого народа. Советская культура была насильственно идеологизирована, нацелена на выполнение любого партийно-социального заказа, максимально упрощена, "уплощена" и лишена своей художественной ценности.

Борис Андреевич Пильняк (1894 – 1938) стал одним из тех, чьи произведения незаслуженно попали в число так называемой "забытой" прозы именно потому, что писатель, которого современники в начале его творческого пути признавали одним из самых известных и читаемых, не мог и не хотел "писать по-коммунистически", считая, что искусство должно быть независимо от политики и отстаивать гуманистические идеалы. А потому произведения Пильняка, одним из первых почувствовавшего симптомы надвигающегося культа личности в период непосредственного формирования тоталитаризма, изображали послереволюционную действительность без прикрас, обнажая хаос, разруху и безнравственность, царившие в стране.

Такая позиция не могла не вызвать соответствующей реакции со стороны власти предержащих, поэтому Пильняк подвергся массивной атаке сначала со стороны официальной литературной критики, а позже и власти. Именно повесть "Красное дерево" как "клеветническое", "антисоветское" произведение стала объектом наибольших нападков со стороны критики и, по сути, предрешила судьбу писателя. Данная статья является попыткой не только систематизировать все те разгромные высказывания, которые обрушились на Пильняка со страниц советской печати, но и разобраться, в том, что именно послужило причиной такой реакции.

Интересные и глубокие исследования данной проблемы осуществлены в последнее время в диссертационных сочинениях Н.Ю.Грякаловой [1], М.М. Захаровой[3] и О.М. Кагировой [4], на работы которых мы опирались в ходе

данного исследования. В свою очередь нами привлечены новые архивные данные, позволяющие глубже проанализировать данную проблему

Постановка цели. В наше время вполне очевидной представляется необходимость основательного переосмысления литературного процесса советских десятилетий с идеологической и методологической точек зрения, в связи с чем так важно определить вклад Б.Пильняка в формирование оппозиционно-гуманистического направления в русской литературе первой трети XX столетия с позиций современного литературоведения, реабилитировать его как писателя, а также показать истинную роль повести "Красное дерево" в формировании социально-критической концепции постреволюционной действительности в ранне-советской литературе.

Изложение основного материала. Повесть Бориса Андреевича Пильняка "Красное дерево" впервые была опубликована летом 1929 г. в берлинском издательстве "Петрополис". В этом издательстве к тому времени опубликовали свои произведения многие именитые советские авторы (одновременно с Пильняком здесь печатал первые книги "Тихого Дона" М. Шолохов), да и сам Пильняк на тот момент был уже признанным и публикой, и критиками, его много издавали и щедро хвалили, Луначарский считал его "самым одарённым беллетристом" [5], критика ставила рядом с Чеховым и Блоком, угадывала в нём "гениального писателя" [13].

В глазах современников он – новатор и яркий представитель "левого" искусства, мастер метафоры, лаконично заключавшей в себе сложные, ёмкие понятия того времени. Само название "Красное дерево", несомненно, должно было читаться в новом значении слова, в одном ряду с "красным октябрём" и "красной новью" и обещало дальнейшее метафорическое освоение революционной действительности, появление живых и мощных образов "прорастания" и становления нового советского государства.

Но всё получилось не так. "Красное дерево" оказалось вместе с тем и знаком непреходящей старины: мебель из драгоценного красного дерева и другие, казалось бы, отжившие свой век вещи самым фактом своего существования утверждали прошедшие эпохи российской истории, более того, от них веяло теплом и тоской об ушедшем: *"Люди умирают, но вещи живут, и от вещей старины идут "флюиды старинности", отошедших эпох... Люди, покупавшие вещи старины после громов революции, у себя в домах облюбовывая старину, вдыхали – живую жизнь мёртвых вещей"* [8, 103].

В свете не так давно отмеченного десятилетия революции этот ключевой образ повести был уже сам по себе сомнителен, но положение усугублял более предосудительный факт: в разрывах метафор и исторических аллюзий в повести прозвучали резкие характеристики новой власти. Со свойственной автору внешне нелепой, несуразной манерой повествования Пильняк проходится практически по всем сферам жизни постреволюционной провинции, открывая истинную сущность революционных перемен. Получившаяся в повести картина значительно отличалась от общепринятой и

шла вразрез с политикой партии в области культуры. Этому Пильняку простить никак не могли.

В результате повсеместно разразился скандал, во много раз превзошедший реакцию, которую вызвала тремя годами ранее "Повесть непогашенной луны". Одной из первых реакций на выход повести стало "Постановление правления Всероссийского союза писателей об издании повести Б.А.Пильняка "Красное дерево", где правление ВСП констатировало "беспринципное, недостойное звания советского писателя поведение Бориса Пильняка", который "а) никак не реагировал на самый факт издания белогвардейской печатью его повести, не изданной в пределах СССР; б) после появления в белогвардейской печати ограничился запоздалым письмом-протестом против толкования его повести белогвардейской критикой, адресованным за границу; в) не довёл до сведения советской общественности о случившемся и не прибегнул к помощи советской печати до появления статьи Б.Волина в № 19 "Литературной газеты" под названием "Недопустимые явления", и всем этим совершил политическую ошибку, граничащую с преступлением. Подчёркивая вышеизложенное со всей решительностью, правление ВСП в то же время не допускает мысли, что поступок Пильняка носил характер преднамеренного вредительства" [14]. В этом же постановлении правление ВСП заявляет о невозможности пребывания Пильняка в составе руководящих органов союза и "принимает к сведению его заявление о выходе из состава правления союза", а также сообщает о необходимости "в ближайшее время рассмотреть вопрос о Е.И.Замятине", имя которого, как мы знаем, отныне надолго окажется связанным с именем Пильняка.

Вслед за этим постановлением "правоверные" критики, словно соревнуясь друг с другом, ринулись разносить повесть: «"Красное дерево" с белой сердцевиной», "Недопустимое явление", "Советские писатели должны определить своё отношение к антиобщественному поступку Б.Пильняка", "Борис Пильняк, председатель Всероссийского союза писателей, собственный корреспондент белогвардейщины", "Повесть Пильняка "Красное дерево" на данном этапе классовой борьбы в нашей стране возглавила и завершила антисоветские вылазки классового врага в области литературы" [2;7;12]. 1929 год – год "великого перелома" – был ознаменован в советской литературе осуждением "Красного дерева", и кампания против Пильняка (т.н. "Дело Пильняка и Замятина") стала первой, но далеко не последней организованной акцией такого рода. Официальной версией причины такой "проработки" являлась публикация в Берлине повести "Красное дерево" Пильняка и романа "Мы" Замятина. Конечно, во многом провокационное содержание произведений не могло не вызвать бурной реакции большевистского политического руководства, но думается, однако, что это была далеко не единственная причина. В то время оба писателя занимали лидирующие позиции во Всероссийском Союзе писателей: Пильняк возглавлял его в Москве, а Замятин руководил им в Ленинграде. Главной целью "дела Пильняка и

Замятина" стала дискредитация столь мощной организации и монополизация литературы партией. Так и случилось, что вскоре после этого скандала Всероссийский Союз писателей был распущен. А в 1934 году состоялся печальноизвестный Первый съезд советских писателей, официально положивший конец существованию каких-либо литературных организаций и объявивший соцреализм единым для всех литературным методом.

Сам Замятин в своём письме жене писал о причинах начавшейся в 1929 году травли так: "Всеобщая паника: везде статьи, адресованные Пильняку и мне: почему напечатан в "Петрополисе" роман Пильняка "Красное дерево", запрещённый у нас цензурой, и почему напечатан в "Воле России" роман "Мы"? Всё это связано с кампанией против Союза писателей, начатой в "Литературной газете" и "Комсомольской правде" [10, 353].

Статей о Пильняке выходит действительно много. Так, в "Комсомольской правде" в 1929 г. выходит статья Б.Ольхового, в которой он обвиняет Пильняка в том, что "самые отъявленные клеветнические измышления врагов пролетарской диктатуры о политике советского государства в деревне переносит он на страницы своей повести", заявляя в итоге, что "кулачество и нэповская буржуазия, усиливающая свое сопротивление пролетарской диктатуре в связи с социалистическим наступлением пролетариата, – вот кто стоит за спиной Пильняка" [7, 3].

Становятся расхожими обвинительные статьи, в которых слово «кулак» стоит рядом с именем литератора. "На нынешней стадии классовой борьбы в СССР Пильняк и все те, кто ему родственен по духу, стали решительно на сторону нэповской буржуазии, на сторону кулака [11, 1], – безапелляционно заявляет Секретариат Центрального Совета Всероссийского общества крестьянских писателей в опубликованной в "Литературной газете" статье "Измена революции". "Пильняковщина в области идеологии является одной из лучших иллюстраций того обострения классовой борьбы в стране, которое мы имеем в настоящее время... Ясно, что это самая настоящая кулацко-буржуазная идеология" [12, 1], – подчёркивает в опубликованной на первой странице статье "Советская общественность против пильняковщины" редакция газеты "Известия".

Однако нужно отметить, что, несмотря на то, что "Красное дерево" действительно вызвало много споров, критических статей и реакция на него внешне была более бурной, чем на "Повесть непогашенной луны", основная часть этих отзывов носила чисто политический характер. Как литературное произведение повесть получила лишь несколько беглых, как правило, презрительных отзывов. Причина этого вполне очевидна. Основательное, тщательное обсуждение книги привело бы к публикации "клеветы" содержащейся в ней. А в политику Советского государства никогда не входило "предоставление трибуны делегатам от врагов народа". Поэтому критики избегали детального обсуждения повести, предпочитая обходиться несколькими вырванными их контекста цитатами.

Так, в одном из первых обзоров "Красного дерева" редакторами "Литературной газеты", содержащем большие отрывки из произведения о провинциальной бюрократии, крестьянах и колоколах, редакторы позволили себе значительные пропуски и искажения в тексте. В цитате о крестьянах, например, было пропущено предложение, описывавшее, в каких добротных домах жили и как хорошо питались кулаки, их семьи, домашний скот. В результате искажённая версия давала неверное представление об источнике. А в литературной энциклопедии 1934 года повесть была названа "пасквилом на советскую действительность", а издательство "Петрополис" заклеено как белогвардейское.

В ответ на открывшуюся кампанию, Пильняк обратился с письмом в "Литературную газету". В нём он отрицал главное, в чём его обвиняли – что будто бы он издал повесть за границей потому, что в Советском Союзе её не приняли журналы и издательства. Повесть должна была появиться в третьем номере журнала "Красная новь", пишет Пильняк. Он опровергает, что издательство "Петрополис" – белогвардейское. "Там печатаются книги моих товарищей по советской литературе" и нет "ни одного имени беллетристов-эмигрантов"[9].

Травля писателя и его произведения продолжалась весь 1930 год и закончилась лишь в апреле 1931 г. Под огонь критики попали все, кто имел хоть какую-то причастность к делу. Пильняку припомнили прежние грехи – "Повесть непогашенной луны" и "Отрывки из дневника". Издание 1929 г. подлежало уничтожению. Таким образом, "Красное дерево" – книга, имевшая бесспорное значение для мировой литературы, – сыграла роковую роль в литературе отечественной, была на полвека изъята из неё и вернулась только спустя 60 лет (публикация в журнале "Дружба народов", 1989 г., №1).

Закончив написание повести "Красное дерево" 15 января 1929 г., уже 14 февраля писатель начал перерабатывать её в роман, куда повесть вошла отдельными главами. Это произведение разделило судьбу повести. Вышедший в 1930 г. роман "Волга впадает в Каспийское море" (а травля Пильняка по поводу "Красного дерева" ещё продолжалась) автоматически вызвал осуждение: "Волга, которая ... никуда не впадает", "Против современности", "Куда впадает творчество Пильняка?" – таковы заголовки статей, посвящённых роману. Были и одобрительные отзывы, но они "погоды" не делали. Роман больше не издавался вплоть до 1988 г. Местом действия романа становится уже не Углич, а Коломна, которая на многие годы и до конца жизни стала для писателя топосом многих его произведений и потому собирательным образом России.

Текст романа был закончен в августе 1929 года. Пильняк особо подчёркивал, что работа была завершена до начала кампании против "Красного дерева", а значит, характер изменений от повести к роману не был конъюнктурной правкой, как стали утверждать сразу же после его выхода в свет. Однако Пильняку не очень поверили. Его сравнивали с Замятиным,

который ничем не поступился, не изменил убеждениям, не покаялся и в результате вынужден был покинуть пределы СССР.

Последующие семь лет репутация Пильняка как крамольного писателя и атмосфера недоброжелательности вокруг него будут сохраняться. И хотя каждой новой книгой он пытался рассеять эту трагическую несправедливость, объясниться и оправдаться, но эти попытки уже никого не смогли удовлетворить: соотечественники не поверили в их искренность, а на Западе – решили, что он "поплыл по течению". Трагическим итогом продолжительной травли стал арест писателя в октябре 1937 г. А 21 апреля 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР по ложному обвинению в совершении государственных преступлений Б.А.Пильняк был приговорён к расстрелу, который был приведён в исполнение в тот же день.

Следующие тридцать лет стали периодом намеренного забвения писателя, которого, как и многих других, чьё творчество не отвечало идеологической линии партии, на много лет вычеркнули из истории русской литературы, но не из памяти людей. Первым, кто нарушил длительное молчание вокруг имени и творчества Пильняка, стал П.Палиевский, опубликовавший в 1966 в журнале "Вопросы литературы" статью "Экспериментальная литература", где, хоть и с оговоркой о безыдейности и ошибочности некоторых его произведений, всё же напомнил читателю о Пильняке. А спустя несколько лет в периодических изданиях и сборниках произведений Пильняка начинают появляться статьи и других литературоведов, одним из которых был В.Новиков. В 1975 г. в статье "Творческий путь Бориса Пильняка", опубликованной в журнале "Вопросы литературы", он так охарактеризовал писателя и его творчество: "Пильняк был писателем действительно одарённым, но противоречивым, не случайно он прожил очень сложную жизнь в искусстве. Совершал он и ошибки политического характера, забывая о чем мы не можем и не должны ("Повесть непогашенной луны", "Красное дерево"). Но не этими ошибками, которые с такой охотой поднимаются на щит советологами, определяется сегодняшнее значение Пильняка..." [6, 187]. И добавляет о "Красном дереве": "Восприятие массы как безликого множества, состоящего большей частью из уродов, отщепенцев, заслоняло в произведениях Пильняка изображение того нового, что происходило в молодой Советской республике" [6, 196].

Столь тенденциозная, идеологически окрашенная интерпретация творчества писателя прослеживается и в работах других исследователей того времени. Все они склонны считать Пильняка неординарным, талантливым писателем, признают художественные достоинства его произведений первой половины 1920-х годов, особенно романа "Голый год", но при этом либо вообще не упоминают его главных опальных произведений, либо называют их ошибкой писателя.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Центральным объектом изображения в повести "Красное дерево" являются "искореженные"

революцией судьбы людей. Пильняк проникает в сущность социальных явлений современной ему советской России. Вопреки господству литературы, восхвалявшей "революционные свершения", автор показал обратную сторону этих "свершений". Конечно, в атмосфере тотального контроля цензуры обращение Пильняка к поднятым в повести проблемам смогло прозвучать лишь в форме слабого упрёка или намёка. Но даже выраженная в такой толерантной форме его позиция оказалась принципиально неприемлемой и вызвала санкционированную сверху волну критической травли, ставшей для него в результате фатальной.

Искусственно прерванное, а затем стыдливо-половинчатое, идеологически зашоренное изучение творческого наследия Бориса Пильняка было возобновлено, по существу с чистого листа, лишь в конце 1980-х годов с распадом Советского Союза. В наше время "забытая" послереволюционная проза Б.Пильняка привлекает к себе всё более пристальное внимание российских и украинских исследователей, а также исследователей из дальнего зарубежья. Это вселяет надежду не только на возможность его полной историко-литературной реабилитации, но и на выход к качественно новым рубежам его системно-целостного анализа. Одной из актуальных задач современного литературоведения является системное обобщение сделанного предшественниками в исследовании творчества Пильняка, осмысление места и значения его произведений как в контексте литературного процесса 1920-30-х годов, так и в контексте всей русской литературы XX века.

Литература

1. Грякалова Н.Ю. От символизма к авангарду. Опыт символизма и русская литература 1910 – 1920-х гг. Политика. Жизнетворчество. Историософия: Дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 1998.
2. Жданов А. Советская литература – самая идейная, самая передовая литература в мире. – М., 1934. – 129с.
3. Захарова М.М. Формирование литературных репутаций Б.А. Пильняка и Е.А. Замятина в современной публицистике 1920-х – 1930-х гг: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1996.
4. Кагирова О.М. Принципы организации романного целого в творчестве Бориса Пильняка 1920-х годов: Дисс. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2006.
5. Луначарский А.В. Социалистический реализм // Луначарский А.В. Литература нового мира. – М., 1982. – 379с.
6. Новиков В. Творческий путь Бориса Пильняка // Вопросы литературы. – 1975. – №6. – С.186 – 209.
7. Ольховый Б. Пильняк и современность // Комсомольская правда. – 1929. – 31 авг. (№200). – С.3.
8. Пильняк Б.А. Собр. сочинений в 6-ти тт. / Под ред. К.Б. Андроникашвили-Пильняк. – М., 2003. – Т.4. – 487с.

9. Письмо Б. Пильняка И.И.Степанову-Скворцову // Пильняк Б.А. Мне выпала горькая слава: письма 1915 – 1937. – М., 2002. – С. 63.
10. Рукописные памятники РНБ. Ч.1: Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина / Сост. Л.И.Бучина, М.Ю. Любимова. – СПб., 1997. – Вып. 3. – 354с.
11. Секретариат Центрального Совета Всероссийского общества крестьянских писателей. Измена революции // Литературная газета. – 1929. – 9 сент (№21). – С.1.
12. Советская общественность против пильняковщины (От редакции) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1929. – 17 сент. (№214/3750). – С.1.
13. Шайтанов И.О. Когда ломается течение: Исторические метафоры Б. Пильняка // Вопросы литературы. – 1990. – №7. – С. 43 – 63.
14. РГАЛИ, ф.611, оп.1, ед. хр. 383.

Аннотация

Подгурская И.А. Повесть Б. Пильняка "Красное Дерево" в зеркале советской критики

В статье рассматривается непростое и неоднозначное осмысление повести "Красное дерево" советской литературной критикой, причиной которого стала остросоциальная проблематика произведения и недопустимый в условиях тотального контроля над печатным словом подход Пильняка к её реализации. Проводится анализ и системное обобщение сделанного предшественниками в исследовании творчества Пильняка. Делается попытка переосмысления литературного процесса советских десятилетий с идеологической и методологической точек зрения и реабилитации Пильняка как писателя.

Ключевые слова: тоталитаризм, советская литературная критика, остросоциальная проблематика, пост революционный период.

Анотація

Подгурська І.О. Повість Б.Пільняка "Червоне дерево" у відображенні радянської критики

У статті розглядається непросте та неоднозначне осмислення повісті "Червоне дерево" радянською літературною критикою, причиною якого стала гостросоціальна проблематика твору та неприпустимий в умовах тотального контролю над друкованим словом підхід Пільняка до її реалізації. Проведені аналіз і системне узагальнення зробленого попередниками в дослідженні творчості Пільняка. Робиться спроба переосмислення літературного процесу радянських десятиріч з ідеологічної і методологічної точок зору і реабілітації Пільняка як письменника.

Ключові слова: тоталітаризм, радянська літературна критика, гостросоціальна проблематика, пост революційний період.

Summary

Podgurskaya I. The story "Mahogany" by B.Pilnyak in soviet literary critics' interpretation

This article outlines a complicated and diverse perception of the story "Mahogany" by soviet literary critics. It was mainly stipulated with the acute social subject matter of this work and Pilnyak's approach to its implementation which couldn't be tolerated under the circumstances of total publishing control. The author carries out the analysis and complex summarizing of predecessors' achievements in research of Pilnyak's works. We try to reconsider the literary process of the Soviet decades from the ideological and methodological points of view and rehabilitate Pilnyak as a writer.

Key words: totalitarianism, soviet literary critics, the acute social subject matter, post revolutionary period

Статья прорецензирована и рекомендована к печати Силаевым А.С. (доктор филологических наук, профессор кафедры русской и мировой литературы ХНПУ им. Г.С.Сковороды).